

— Думаю, ты будешь выглядеть более устрашающе, если мы приклеим тебе бороду, — задумчиво сказала Кристина.

— Нужно ли мне вообще выглядеть более устрашающе? — спросил Юджин.

— Поскольку ты пытаешься замаскироваться под работорговца, не лучше ли будет, если все будут принимать тебя за работорговца, едва взглянув? — возразила девушка.

— Может быть, — признал юноша, глядя на Святую с фальшиво-извиняющимся выражением лица. — Но почему мы работаем только над моей маскировкой? Тебе тоже нужно замаскироваться.

— Почему я тоже должна маскироваться? — возразила Кристина.

— Неужели ты правда собираешься пытаться попасть на невольничий рынок в одежде священника, которая всем говорит, что ты священник? Неужели ты думаешь, что эти ублюдки захотят тебя впустить? — заметил Юджин.

— ...Возможно, это действительно так, но я не намерена менять свой наряд или изменять свою внешность, — настаивала Святая, ее лицо застыло в упрямой гримасе, когда она выпятила подбородок. Казалось, что она не желает снимать свое одеяние священника ни при каких обстоятельствах. — Кроме того, мне нет необходимости маскироваться, не так ли? Если мы придумаем причину, по которой священник может сопровождать тебя, тогда...

— Если оставить в стороне твоё положение Святой, то такой образ действий наверняка вызовет презрение Священной Империи. Если один из их священников действительно примет деньги от работорговца, чтобы помочь ему приобрести эльфа... ты правда не будешь против, если начнут ходить такие слухи? — спросил Юджин, приподняв бровь.

При этих словах лицо девушки напряглось еще больше. Поколебавшись несколько мгновений, она поднялась со своего места.

— ...Я подумаю над этим, — сказала Кристина, сдаваясь.

— На самом деле, ничего не случится, если ты не последуешь за мной, — предложил юноша в качестве альтернативы.

— Я никак не могу этого сделать, — твердо отрицала девушка. — Мой долг — сопровождать тебя в твоём путешествии.

— Почему ты зашла так далеко, называя это своим долгом? — поддразнил ее Юджин, отворачиваясь, чтобы посмотреть в зеркало.

Он использовал заклинание трансформации на уровень выше, чем то, которое он использовал на улице Болеро в прошлом. Хотя он все еще не мог внести изменения в структуру своего тела, лицо Юджина полностью превратилось в лицо ворчливого мужчины средних лет. Кроме того, цвет его волос сменился с серого на желтый. Намазав руки маслом, юноша разгладил волосы по бокам.

Сегодня должен был состояться рынок рабов, и ожидалось, что все племена Самара придут на него в большом количестве. На этом рынке, который проводился всего два раза в год, было представлено несколько рас, которые особенно интересовали иностранных посетителей, и самыми ценными среди всех этих рас были эльфы.

Перед тем как отправиться заново открывать эльфийские владения с помощью листа Мирового Древа, Юджин решил посетить невольничий рынок, чтобы спасти эльфов, которые должны были быть выставлены там.

Причина его поступка не была особенно насущной.

До сих пор было неясно, можно ли использовать лист Мирового Древа, чтобы привести их на территорию эльфов, но как только этот вопрос будет решен, юноша пообещал взять эльфов, живущих в деревне, с собой в главное поместье клана Лайонхарт. Хотя было бы лучше, если бы он сначала попросил разрешения у главной семьи, но поскольку он уже принял решение, то собирался пока просто взять их с собой, а разрешение попросить позже.

И раз уж он все равно собирался взять их с собой, то не будет ли это приятным завершением дела, если он сначала позаботится об эльфах, которых собирался выставить на невольничьем рынке?

— Мне кажется, борода — это уже слишком, — пробормотал Юджин, глядя в зеркало и поворачивая лицо то в одну, то в другую сторону.

— Да, я считаю, что ваше лицо и так выглядит достаточно устрашающе, молодой господин. — Та, кто только что высказала свое мнение, была одноглазой эльфийкой. Она смотрела на юношу своим единственным глазом, и в отличие от ее вежливой манеры обращения, ее взгляд не был таким уж вежливым.

Хотя Юджин и Кристина были гостями Хранителя Сигнарда, многие эльфы, живущие в этой деревне, питали антипатию к людям.

Так было и с одноглазой эльфийкой по имени Лавера. Живущие здесь эльфы испытывали особую неприязнь к юноше, поскольку им сообщили, что они скоро покинут Самар, чтобы последовать за ним и поселиться в лесу, принадлежащем клану Лайонхарт.

Они понимали, почему это происходит. Хранитель Сигнард лично ознакомил их с фактами, стоящими за этим шагом. Вместо Самара, кишящего варварами и работорговцами, эльфам

было бы гораздо удобнее жить в лесах главного поместья клана Лайонхарт. Поскольку они даже пересаживают сказочные деревья, которые долгое время защищали эльфов этой деревни, им не нужно будет беспокоиться о Демонической Болезни.

Однако... несколько эльфов, включая Лаверу, испытывали неизбежный страх при мысли о том, что их защищает не их собственный род или лес, а ненавистные люди.

Юджин также примерно представлял себе, в каком положении оказались эльфы в результате этого предложения. Он должен был признаться себе, что, посетив сначала невольничий рынок и спасая выставленных там эльфов, он надеялся публично продемонстрировать свою добрую волю по отношению к их расе.

«Хотя у меня нет свободного времени, чтобы заботиться о том, как они могут на это отреагировать», — размышлял юноша.

Тем не менее, это должно хотя бы смягчить враждебность, которую они проявляли к нему с самого начала. У них не было другого выбора, верно? Они шли на неоправданный риск, отправляясь на невольничий рынок, и им пришлось бы потратить много денег, чтобы выкупить выставленных эльфов и сопроводить их обратно в деревню. Кроме того, Юджин разрешил бы им жить в поместье клана Лайонхарт, которое было гораздо безопаснее этого леса.

«После всего этого, если они все еще будут бездумно ненавидеть нас только потому, что мы люди, смогут ли они по-прежнему называть себя эльфами? Они будут просто беспардонными ублюдками».

Пока юноша размышлял об этом, он изменил покрой своего плаща. Затем Кристина, которая несколько минут назад ушла, вернулась к Юджину.

— Сэр Юджин, — позвала девушка. — Взгляни на это.

По возвращении на лице Кристины появилась гордая улыбка. Накрыв свой священнический наряд большой мантией, она подошла к Юджину и стала перед ним крутиться.

— Если я сделаю это, то мне не нужно будет снимать одеяние священника, а если я надену капюшон, то смогу даже закрыть лицо, — заявила Святая.

— Тебе не кажется, что немного смешно хвастаться этим, как будто это какое-то великое открытие? — насмешливо спросил юноша.

Улыбка Кристины померкла при этом вопросе. Она перестала кружиться на месте и, глядя на Юджина сузившимися глазами, застегнула халат.

— ...Это правда нормально, если я не пойду с вами? — Нарисса, которая стояла неподалеку на

своих костылях, спросила нерешительно.

Она, конечно, боялась идти на невольничий рынок, но также чувствовала желание помочь Юджину и Кристине, которые уже так много сделали, чтобы помочь ей.

— Ты должна просто ждать здесь, — твердо ответил юноша. — Если мы без нужды возьмем тебя с собой, будет очень неприятно, если мы столкнемся с племенем Гарунг.

— ...Да..., — кротко согласилась одноногая эльфийка.

При словах "племя Гарунг" плечи Нариссы слегка дрогнули. Прошло всего несколько дней с тех пор, как она бросилась со скалы, спасаясь от преследователей из племени на огромных волках.

— Тебе также нет необходимости следовать за нами, — сказал Юджин, обращаясь к Лавере.

Женщина покачала головой.

— Неужели вы думаете, что чужеземец, не имеющий товаров на продажу, сможет входить и выходить с рынка по своему усмотрению?

Ее доводы были неопровержимы. Юноша проверил табличку из слоновой кости, которую он уже получил от Сигнарда. Эта табличка была выдана племенем Эрбор, одним из великих племен Самара. Без этой таблички, что бы они ни делали, чтобы замаскироваться под работоторговцев, они даже не смогли бы попасть на рынок.

— Возможно, вы могли бы положиться на имя Лайонхарт, чтобы попасть внутрь, — предложил Лавера. — Если вы откроете свою истинную личность, мастер, то различные племена наверняка примут вас как уважаемого гостя и позволят участвовать в рынке.

— Я не хочу попасть туда настолько сильно, что готов измазать грязью имя клана, — ворчал Юджин, вставая.

Улыбаясь, глядя одним глазом, Лавера заверила его:

— Если у вас есть табличка и товары для продажи, вы можете войти на рынок, заплатив лишь небольшую сумму за вход.

— Будет ли проводиться проверка? — спросил юноша.

— Нет. Во-первых, эти дощечки распространены только среди работоторговцев, — объяснила

Лавера.

Юджин не потрудился спросить, зачем Сигнардю такая табличка. Разве причина не была очевидна? Должно быть, работоторговцы, которые первоначально держали ее, были пойманы тайком, пытаясь захватить нескольких странствующих эльфов, и кончина настигла их под мечом Сигнарда.

— Не беспокойтесь об этом слишком сильно. Поскольку у меня был личный опыт работы на рынке рабов, я могу дать вам все необходимые рекомендации, — сказала Лавера, застегивая кандалы на шее и конечностях.

Наблюдая за этим зрелищем, Нарисса начала дрожать от страха. Особенно когда эльфийка застегнула тяжелые цепи вокруг ее собственных лодыжек, Нарисса больше не могла этого выносить и была вынуждена сесть с бледным лицом.

— Хнык... хнык...

В отличие от Нариссы, которая была подавлена своей травмой, глаза Лаверы застыли в холодном взгляде. Пошатываясь, она поднялась на ноги и вложила конец длинной цепи в руку Юджина.

— ...Мне действительно уже сейчас нужно держать цепь? — неловко спросил юноша.

— Вы должны привыкнуть относиться ко мне с такой жестокостью, какую предполагает ваше лицо. Если вы будете бессмысленно бережно обращаться со мной, другие работоторговцы и туземцы будут относиться к вам с подозрением, сэр Юджин, — настаивала Лавера.

— Иди сюда, раб, — тут же согласился Юджин и неловко дернул за цепь.

При виде этого Нарисса была вынуждена скрыть дрожащие губы, а Лавера просто покачала головой, не говоря ни слова.

— Я Райан.

— ...А я — Тина.

Перед тем как попасть на невольничий рынок, они остановились, чтобы прояснить свои истории. Псевдоним Юджина был Райан, а псевдоним Кристины — Тина.

Райан был бывшим наемником, ставшим работоторговцем, а Тина была его женой.

— Мне правда нужно быть твоей женой? — спросила раздраженно девушка.

— Тогда ты тоже хочешь выступать в роли рабыни? — спросил Юджин в ответ.

— ...Чтобы женатая пара вместе работала как работоторговцы...

— Есть такая поговорка, не так ли, вроде "мы с Тамарой ходим парой"?

— Когда ты говоришь это с твоим нынешним лицом, сэр Юджин, нет, сэр Райан, это кажется мне очень оскорбительным, — запротестовала Кристина.

— Извини, но твое нынешнее лицо тоже не слишком привлекательно, — сказал юноша без особого извинения.

При этих провокационных словах лицо Святой исказилось в гримасе. Лицо Кристины превратилось в лицо женщины средних лет с острым языком и злым характером.

— Пока ты этим занимаешься, тебе также следует изменить манеру речи.

— А?

— Твоя вежливая манера речи совсем не подходит к этому лицу. Тебе следовало бы добавить несколько ругательств и сделать голос немного грубее..., — Юджин запнулся, задумавшись.

— ...Мне действительно нужно это делать? — спросила девушка неохотно.

— Может быть, ты скорее мешаешь, чем помогаешь, поднимая шум и привлекая внимание? — бросил провокацию юноша.

— Я... я..., — Кристина колебалась, а затем перешла на другую манеру речи. — Поняла, босс.

— Похоже, ты просто не сможешь это сделать. — Юджин покачал головой. — Почему бы тебе не попробовать попрактиковаться немного? В любом случае, пока мы там, тебе не придется открывать рот.

Кристина сжала губы и посмотрела на юношу. Если бы у нее было обычное лицо, она смогла бы скрыть свой гнев за улыбкой, а не смотреть на него так, но, возможно, из-за того, что ее лицо было изменено, ее гневный взгляд выглядел особенно суровым.

Только самые крупные племена имели право устраивать этот невольничий рынок. На этот раз рынок будет проходить на территории племени Зял.

«Я думал, что мы поедем хотя бы в какой-нибудь город».

Возможно, потому что и иностранцы, и племена будут приходить и уходить, рынок проводился посреди леса, а не в городе. В том, что касается черного рынка, он напоминал таковой на улице Болеро, который он посетил в Ароте, но в остальном рынок рабов здесь был несравненно более примитивным.

Даже вход отражал этот факт. Воины племени Зял, выставившие патрули по всей этой части леса, смотрели на приходящих торговцев широко раскрытыми глазами, а гостям из других племен делали угрожающие жесты.

«Такое ощущение, что рынок — это только прикрытие».

Юджин примерно представлял, что здесь происходит. Невольничий рынок открывался только 2 раза в год. В это время даже враждебным племенам не разрешалось сражаться друг с другом. Это объяснялось тем, что великие племена запрещали любые боевые действия на территории невольничьего рынка.

Но даже в таком месте, где собралось столько людей, очаги конфликта не могли не возникать то тут, то там. Поскольку каждое племя относилось к другим с настороженностью и враждебностью, племена чувствовали необходимость повысить свой статус, чтобы сдержать влияние друг друга.

Знатные гости, связанные с каждым из племен, также получали огромное удовольствие от такого зрелища. Для них сам рынок был редкостным зрелищем. Кроме того, здесь торговали не только рабами — обменивались и другими интересными вещами.

Самар был огромен. Это место не просто заросло деревьями. Здесь было зарыто множество других ценных ресурсов, редко встречающихся на остальном континенте. Продавались различные бесценные драгоценные камни и мифрил, добытые в шахтах Самара, а также материалы, полученные от лесных чудовищ. Кроме того, здесь были и зелья, искусственно увеличивающие ману или укрепляющие тело. Все это было продуктом наследия, передававшегося каждому племени от предков.

Для этих иностранных дворян такие вещи были ценнее рабов, даже если эти рабы были эльфами.

— ...Я хочу эльфа с каким-нибудь физическим изъяном, — пробормотал про себя один из таких благородных.

Это был Даджаранг Кобаль. Вместо вещей, не представляющих очевидной ценности, эту свинью больше интересовал эльфийский раб, которого он мог видеть своими глазами, обладать и играть с ним.

— ...Нет необходимости спешить, — убеждал Уджича Даджаранга, сопротивляясь желанию усмехнуться.

Этому главному воину племени Гарунг каким-то образом удалось выжить после встречи с неизвестным нападавшим несколько дней назад.

Все это произошло благодаря прихоти неизвестного человека. Посмотрев на жалкого Уджичу, который обмочил штаны на месте и умолял пощадить его, мужчина просто исчез.

Уджича не испытывал стыда от того, что произошло. Любой человек, попавший в такую ситуацию, описался бы. На самом деле, ни один из воинов племени Гарунг, которые были там в то время, не вышел из этой ситуации с сухими штанами. Некоторые даже обделались. Было множество и тех, кто также рухнул на землю и стал умолять о пощаде.

По сравнению с этими воинами Уджича выглядел практически достойно и сохранил честь главного воина. Он мог умолять о жизни, но не падал на колени. Может, он и описался, но, по крайней мере, не опорожнил кишечник.

Он каким-то образом не умер и смог прожить еще один день. Разве этого не достаточно?

Один из Двенадцати лучших Шимуина, Брон Джерак, погиб, но Уджича выжил. Даджаранг Кобаль, важный гость, тоже выбрался из этой ситуации живым.

Этого было достаточно, чтобы считать ситуацию успешной. Уджича не смог уговорить Брона представить его дамам королевства Шимуин, но пока ему удавалось удовлетворять желания Даджаранга, он мог обеспечить себе великолепное будущее в Шимуине.

— Ты... просто позволь мне сказать тебе, что тебе лучше позаботиться обо мне, — Даджаранг высокомерно сверкнул глазами на Уджичу. — То, что Брона убили, не значит, что тебе может сойти с рук плохое обращение со мной. В конце концов, ты... ты знаешь, кто мой отец, не так ли? Неужели ты думаешь, что я не замечу, что ты на самом деле чувствуешь внутри?

Даджаранг, конечно, был засранцем, но нельзя сказать, что он был совсем безмозглым. Прежде чем он пришел сюда, его заставили выслушать десятки лекций о важности сделки, заключенной между его отцом, графом Кобалем, и Уджичой. Даже после прибытия в племя Гарунг покойный Брон также делал ему десятки напоминаний.

— О шахте твоего племени. Ты ведь знаешь, что мой отец — единственный, кто может дать тебе те условия, которые ты хочешь для сделки? — Даджаранг надменно фыркнул.

Хотя это и не обязательно правда, граф Кобаль был лучшим торговым партнером, которого Уджича нашел, обратившись в несколько мест. Во-первых, граф Кобаль был аристократом, имеющим большое значение даже в пределах всего Шимуина.

— Смерть Брона... ну... это было неизбежно. Я... я не виноват, — заикался Даджаранг.

У юнца не было желания вспоминать этот момент. Он просто не хотел. Еще более пугающим в ретроспективе был тот факт, что Брон умер.

Несмотря на то, что Брон был самым слабым из 12-ти лучших рыцарей Шимуина, он все же был одним из 12-ти сильнейших рыцарей, и граф Кобаль очень ценил его. Именно поэтому он приставил Брона в качестве сопровождающего к своему непутевому сыну и отправил его в Самар.

— Я понимаю, что вы хотите сказать, молодой господин. — Уджича невинно расширил глаза, глядя на Даджаранга. — Смерть Брона была несчастным случаем. Если сделка будет заключена, я обязательно дам показания графу Кобалю, как того желает молодой господин.

— Точно... точно. Б-Брон умер, упав в выгребную яму. После того, как напился... он упал в туалеты вашего племени, потому что они были открытыми. Он упал в яму ногами вперед и умер, — гордо заявил Даджаранг.

Уджича заколебался:

— ...Может, скажем, что он умер, когда пытался сесть на лошадь после того, как выпил слишком много. В любом случае, молодому господину нет нужды беспокоиться. Я сделаю все возможное, чтобы вы ни о чем не беспокоились.

— М-м-м, тогда ладно, — согласился Даджаранг. — Я обязательно похвалю тебя перед моим отцом, чтобы он даровал тебе рыцарское звание.

При словах "рыцарское звание" уголки губ Уджичи дернулись вверх. Хотя ему было жаль погибшего Брона, благодаря смерти рыцаря будущее Уджичи становилось еще светлее.

Потеряв такого рыцаря, граф Кобаль, несомненно, будет искать сильных воинов. Уджича был уверен, что он достаточно опытен, чтобы занять место Брона. После получения рыцарского звания от графа Кобалю, если Уджича сможет накопить достаточно заслуг, он даже сможет внести свое имя в список 12-ти лучших, членом которого был Брон.

«Если это случится, то... я буду уверен, что буду жить роскошной жизнью аристократа», — с улыбкой подумал мужчина, оборачиваясь, чтобы посмотреть на свое окружение.

Он оглядел примитивный и грязный рынок. Иностранные рабы, голые и в цепях, были

выставлены напоказ, как куски мяса, вывешенные на прилавке мясника.

— Пожалуйста, спасите меня!

Были и другие подобные призывы. Каждый иностранный раб кричал, кто он и из какой страны, надеясь на спасение. Племенные преступники, наказанные рабством, просто смотрели вокруг с испуганными глазами, даже надувшись, чтобы выглядеть как можно более мускулистыми.

Увидев это, Уджича принял решение. Сейчас он прибыл на этот рынок в качестве сопровождающего этой свиньи, но когда-нибудь он вернется сюда снова, став знатным Шимуинцем. Перед этими большими парнями из великих племен, которым он, как главный воин племени Гарунг, не имел права даже смотреть в глаза, когда они отчитывали его, он вернется как благородный человек, которого они все будут стараться встретить, выстроившись в очередь.

Представляя себе это далекое — нет, не очень далекое — будущее, губы Уджичи дрогнули в улыбке.

— Уджича! — В этот момент Даджаранг закричал, схватил мужчину за руку и начал трясти его. — Этот эльф! Туда!

— Какой эльф? — спросил Уджича.

До этого момента они осматривали рынок, но им удалось найти только одного эльфа на продажу. Проблема заключалась в том, что эльф был мужчиной, а Даджаранг не проявил к нему никакого интереса, потому что все его конечности были целы.

Однако сейчас голос Даджаранга был наполнен еще большим желанием, чем когда-либо прежде. — Прямо перед нами!

Уджича посмотрел вперед, туда, куда указывала дворянская свинья.

— ...Но у нее есть все конечности? — Удзиха нерешительно указал на это.

— Разве ты не видишь, что у нее нет глаза! — крикнул Даджаранг, практически сглатывая слюну.

Правда, теперь, когда мужчина взглянул на нее еще раз, эльфийка перед ними потеряла правый глаз, а на его месте была масса шрамов.

Даджаранг взволнованно пробормотал:

— У нее даже нет повязки на глазу... Это... это шрамы от ножа? Или это могут быть шрамы от ожогов?

Шрамы, оставленные на всеобщее обозрение, вызвали интерес Даджаранга. Хотя Уджича определенно не мог понять столь извращенный вкус, ради своего славного и сладкого будущего он должен был удовлетворить желания Даджаранги.

Мужчина уверенно кивнул головой и быстро зашагал вперед.

— Эй, вы там, — крикнул он.

Купцы, тащившие за собой эльфа, были мужчиной и женщиной. Глаза Даджаранги дрогнули, когда он взглянул на мужчину, державшего цепь эльфа.

Телосложение мужчины-торговца было довольно хорошим, но оно не могло сравниться с телосложением Уджичи, который тренировался в лесу десятилетиями.

«Может ли он быть наемником, превратившимся в работоторговца? Значит, его навыки не должны быть столь велики». — Уджича оценил навыки этого человека острым взглядом главного воина племени Гарунг. — «Та, что рядом с ним... может быть, она его жена?»

Видя, что их лица были одинаково измождены, они казались супружеской парой.

«Ее тело, похоже, не так уж сильно тренировано. Может быть, она волшебница... или просто обогреватель для постели?»

Ответ не имел значения.

Нагло демонстрируя свои внушительные бицепсы, Уджича преградил путь двоим, сложив руки, и потребовал:

— Эта эльфийка. Продайте ее мне.

Если нашли в главе ошибки — смело пишите о них в группу вк (@akumateamnovel).

Спасибо, что прочли главу!

<http://tl.rulate.ru/book/51117/2429980>